

Юридические науки

УДК 343.14

ЭКСПЕРТИЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

А.Ю. Афанасьев, Нижегородская академия МВД России
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. В данной статье антикоррупционная экспертиза рассматривается как культурное средство оптимизации уголовно-процессуального законодательства. Автор расценивает деятельность по выявлению коррупционных факторов в правовом акте как проявление культуры. Также в статье приводится соотношение коррупции с культурой, выявляются коррупционные факторы в конкретных нормах УПК РФ. Подчеркивается, что экспертиза на коррупционность с одной стороны оптимизирует уголовно-процессуальное законодательство путем устранения коррупционных факторов, тем самым снижая уровень коррупции, и с другой стороны, окультуривает общественные отношения, повышает доверие населения к государственным институтам.

Ключевые слова: культура, коррупция, антикоррупционная экспертиза, уголовно-процессуальное законодательство, культурное средство, оптимизация.

Понятие «культура» настолько многозначно, что иной раз кажется, что оно охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. На самом деле культура и есть результат человеческой жизнедеятельности. И в самом общем понимании это все то, что создано человеком. Однако стоит оговориться, что речь идет о результатах деятельности человека, представляющих какую-либо ценность, будь то материальную или духовную. Иными словами, культурой можно назвать только то, что носит созидательный и полезный характер.

В этом мы можем убедиться, обратившись к существующим подходам к пониманию культуры. На сегодняшний день сложилось два основных таких подхода, которые рассматривают культуру в широком и узком смыслах. В первом случае культура – это «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [6]. Вероятно, здесь культура употребляется для характеристики определенных исторических эпох (античная культура), конкретных обществ, народностей и наций (культура майя). В связи с этим некоторые авторы, приводят мнения о том, что культура тождественна цивилизации [16].

Во втором случае культура – это «сфера духовной жизни людей, включающая в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т. д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей)» [6].

Как можно заметить в обоих подходах культура есть проявление положительного начала в деятельности человека. Потому негативное, приносящее вред явление и нельзя от-

нести к культуре. К примеру, одно из самых негативных явлений современности как коррупция также является «детисцем» человека, но возможно ли ее отнести к культуре и вообще, как она соотносится с культурой? На этот счет сформировалось три подхода:

во-первых, «сама коррупция является культурой (деловой или организационной) и должна анализироваться с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества или организации символов, мифов, обычаев, представлений и базовых ценностей [20];

во-вторых, «коррупция – это временное состояние, дисфункция в культуре, понимаемой как система ценностей, норм и установок, разделяемых членами сообщества. Она становится возможной в ситуации аномии, негативного отношения или равнодушия значительной части сообщества к социальным нормам, порождаемой конфликтом между элементами системы ценностей» [10];

в-третьих, «коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры» [7, с. 53; 17; 18; 19].

Первый подход вызывает как минимум сомнения в его состоятельности. Как можно считать культурой то, что приносит вред человеку? А вот два остальных подхода, возможно, имеют право на существование. Ведь коррупция проявляется не просто так, она есть результат человеческих взаимоотношений, хоть и негативный.

Как отмечает П.А. Панченко коррупция нынче «стала своеобразной традицией, данью тому времени...» и «...вопрос борьбы с ней – это еще и вопрос культуры» [14, с. 189–190]. Соответственно пока не будет должной культуры в обществе, не избавиться и от коррупции, тем самым не будет и порядка в деятельности государственных органов и общественных институтов. Притом в культурологическом контексте заметим, что на коррупцию оказывают влияние множество факторов. Это и «черты национального характера» [5, с. 35], это и «религия» [11]. Особое внимание заслуживает «значение в нравственном воспитании населения традиционных религий, заповеди которых легли в основу правоотношений в современном мире» [3].

В настоящее время проблема коррупции приобретает все более устойчивый характер, не говоря уже о ее латентности. Создается впечатление, что искоренить данное негативное явление практически невозможно и потому остается ограничиваться только снижением его уровня, взятием под контроль ее проявлений.

Очевидно, что коррупция – это системная проблема и противодействовать ей необходимо комплексно. Речь идет, прежде всего, о таких основных регуляторах общественных отношений как: право, мораль, религия и другие. Разумеется, правовой механизм способен более эффективно воздействовать на коррупционные проявления. И это осуществляется не только путем ужесточения наказания за данные деяния, ибо «страх перед самым суровым наказанием, сам по себе, мало кого способен удержать от удовлетворения собственных корыстных устремлений» [15, с. 13], но и совершенствованием процедуры законотворчества, оптимизацией действующих правовых актов.

По сути, право является проявлением культуры. И средства правового регулирования вполне можно назвать культурными, по крайней мере, цивилизованными. То есть отвечающими требованиям эпохи, современного развития общества. Одним из таких средств выступает антикоррупционная экспертиза правовых актов, которая направлена и на борьбу с коррупцией, и на установление культурных взаимоотношений в обществе. Сама по себе

антикоррупционная экспертиза правовых актов «подразумевает собой деятельность, направленную на выявление коррупциогенных факторов в положениях ее норм, оценку коррупционного риска данной нормы и изменение нормы, содержащей такие факторы, с целью их устранения и снижения степени ее коррупционного риска» [4].

Тем самым оптимизируется законодательство, снижается уровень коррупции и происходит оздоровление общественных отношений. А это не может не сказаться на общей культуре населения. Соответственно если применяемое средство влияет в положительном плане на культуру, то есть все основания полагать, что средство это культурное.

Уголовно-процессуальное законодательство в лице Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) также может выступать объектом антикоррупционной экспертизы. Более того такие экспертизы уже проводились ранее. К примеру, экспертизе на коррупциогенность подвергся Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», в результате которой эксперты категорически и обоснованно отклонили весь Проект – выявлено слишком много коррупциогенных факторов [8].

Законодатель под коррупциогенными факторами понимает «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» [12].

Касательно норм УПК РФ, такие факторы можно выявить на основе предложенной законодателем методики, где одним из основных видов коррупциогенных факторов выступает определение компетенции по формуле «вправе» [13]. Предварительный анализ норм УПК РФ с целью выявления норм, содержащих формулировок «вправе» показал, что таких норм содержится более ста. Соответственно каждая из таких норм является потенциально коррупциогенной.

В качестве примера, в статье 91 УПК РФ содержится явно коррупциогенный фактор, по крайней мере, признак коррупциогенности, где «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований». Мы считаем, что формулировка «вправе», дающая правоприменителю возможность выбора при принятии решения о таком задержании, в данном случае неприемлема, и свидетельствует о наличии коррупциогенного фактора. Ведь законодателем в этой же статье перечислены конкретные основания для такого задержания, что, безусловно, говорит не о праве указанных должностных лиц на задержание лица, а о возникновении обязанности на совершение такого действия.

Аналогичная ситуация, например, в части 1 статьи 192 УПК РФ, где регламентируется проведение очной ставки: «если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку». В норме есть императивное условие (основание) когда нужно проводить очную ставку – наличие в показаниях ранее допрошенных лиц существенных противоречий. Нужно говорить об обязанности на проведение данного следственного действия, однако законодатель использует формули-

ровку «вправе». Получается, что, если есть указанные существенные различия, следователь может не проводить очную ставку.

Ряд следственных действий также проводятся исключительно по усмотрению следователя. Так в ходе производства по уголовному делу следователь вправе провести следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), проверку показаний ранее допрошенных лиц на месте (ст. 194 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ) и другие следственные и процессуальные действия.

И таких предположительно коррупциогенных факторов в нормах УПК РФ лишь на основе формулировки «вправе» предостаточно. Конструирование правовых норм с использованием формулы «вправе» при установлении компетенции должностных лиц включает повышенные коррупционные риски. Поэтому изменение такого рода норм необходимо, тем более это касается норм уголовно-процессуального доказательственного права, в ходе применения которых разрешается уголовно-правовой спор. При этом изменение будет состоять не только в исключении из нормы формулировки «вправе», так как в некоторых положениях установление компетенции таким образом просто необходимо.

Безусловно, это не единственные формулировки в УПК РФ, являющиеся потенциально коррупциогенными. По нашему мнению, к ним можно также отнести словосочетания: «при наличии достаточных оснований (данных)», «может быть», «при невозможности», «обоснованно» и «необоснованно» и другие. Пожалуй, данные формулировки носят юридически-неопределённый характер и потому могут толковаться каждым правоприменителем по-разному.

Как известно, где существует неопределённость либо неизвестность, существует и риск наступления негативных последствий, в том числе коррупционных. Экспертиза на коррупциогенность призвана предупредить такие последствия, устранить предпосылки для таких рисков. Мы полагаем, что основной, и в то же время объединяющей остальные, предпосылкой коррупции выступает излишняя диспозитивность - свобода при доказывании принятия процессуальных решений, заложенная в нормах УПК РФ. В диспозитивность входит и установление компетенции по формуле «вправе», и юридически-неопределённые словосочетания, и неограниченные пределы усмотрения. Тем самым устранение излишней диспозитивности в нормах УПК РФ, как коррупциогенного фактора, вполне способно привести к снижению уровня коррупции.

При этом необходимо учитывать следующие обстоятельства:

во-первых, всякие попытки снизить диспозитивные начала правоприменения «иссушает» уголовно-процессуальное законодательство и отрывает его от реальных ситуаций принятия решений [1];

во-вторых, проблема не в коррупциогенных факторах, заложенных в нормах УПК РФ, а в корыстных устремлениях правоприменителей [9; 3].

Даже с учетом данных обстоятельств востребованность устранения предпосылок коррупции, заложенных в нормах УПК РФ не снижается. Все дело в том, что как можно вести речь о борьбе с коррупцией, когда законодательство позволяет ей существовать, то есть сам законодатель дает право в ходе правоприменения использовать в корыстных целях ту или иную норму. Потому противодействие коррупции необходимо начинать именно с нормативно-правовых актов, с их оптимизации и совершенствования. Притом нельзя ос-

тавить вне поля зрения такие факторы коррупции как личность правоприменителя, сложившиеся устои и традиции, а также состояние культурного компонента в обществе.

Вероятно, в данном случае антикоррупционная экспертиза несет на себе, на первый взгляд, «непосильную ношу»: с одной стороны, оптимизирует уголовно-процессуальное законодательство путем устранения коррупциогенных факторов, тем самым снижая уровень коррупции, и с другой стороны, окультуривает общественные отношения, повышает доверие населения к государственным институтам. На самом деле, эти задачи решаются одновременно, а результат приходит последовательно. Так как решение одной задачи зависит от разрешения другой.

Выявление, оценка и нейтрализация коррупциогенных факторов в правовом акте деятельности дальнего действия. Ведь результат заметен буден не сразу, тем более в плане культурного оздоровления общества. Таким образом результат антикоррупционной экспертизы норм УПК РФ скажется и на качестве уголовно-процессуального законодательства, тем самым на качестве уголовного судопроизводства, и на уровне коррупции, и на культуре.

Литература:

1. Андрусенко С. П. Антикоррупционная экспертиза в российской уголовной юстиции // Журнал российского права. - М.: Норма, 2013, № 4. С. 51–58.
2. Афанасьев А.Ю. О коррупционном риске в нормах доказательственного права уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 136–140.
3. Афанасьев А.Ю. Корыстные устремления в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 335–337.
4. Афанасьев А.Ю. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов (проектов нормативно-правовых актов) как мера по профилактике коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2. С. 226–227.
5. Безверхов А.Г. О некоторых мифологемах в сфере противодействия коррупции // Государство и бизнес против коррупции: сборник материалов научно-практической конференции / под ред. А.П. Кузнецова. – Н. Новгород, 2012.
6. Большой Энциклопедический словарь. 2000.
7. Жилина И.Ю., Иванова Н.Н. Экономика коррупции // Экономические и социальные проблемы России. Вып. II. Социально-экономические проблемы коррупции. М.: ИНИОН, 1998.
8. Крупский М.А., Гурьев А.А. Заключение на Проект №440058-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: <http://vs Corruption.ru/?p=969>
9. Лубин А.Ф. Нетленное корыстолюбие (Историко-юридический анализ) // Записки криминалистов. – М., 1995. Вып. 5. С. 174–197;
10. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299–313.

11. Нестик Т.А. Коррупция и культура. URL: http://contrlist.ucoz.ru/2014/2014-10/korruptsija_i_kultura.pdf
12. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля.
13. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Российская газета. 2010. 5 марта.
14. Панченко П.Н. Коррупция как особое зло, требующее принятия особых мер ее преодоления // Государство и бизнес против коррупции: сборник материалов научно-практической конференции / под ред. А.П. Кузнецова. – Н. Новгород, 2012.
15. Тарасов А. А. Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве: от законодательной идеи к процедурному воплощению // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1.
16. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
17. Andvig J. The economics of corruption: A survey // Studi economici. 1991. Vol. 46. № 43. P. 57–94.
18. Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemak D.J. Cross-cultural Business Gift Giving. A New Conceptualization and Theoretical Framework // International Marketing Review. 1994. Vol. 11. № 4. P. 46–47.
19. Hall E.T. The Silent Language. Doubleday, New York, 1959.
20. Klitgaard R. Adjusting to reality: Beyond «state versus market» in economic development. San Francisco: ICS Press, 1991.

— ● —

Afanas'ev A.Ju. Jekspertiza ugovovno-processual'nogo zakonodatel'stva na korrupciogenost': nekotorye voprosy projavlenija kul'tury // Nauka. Mysl'. - № 9. – 2015.

© А. Ю. Афанасьев, 2015.
© «Наука. Мысль», 2015.

— ● —

Abstract. In this article anti-corruption examination is considered as cultural means of optimization of the criminal procedure legislation. The author regards activities for identification of corruptogenic factors in the legal act as manifestation of culture. Also the corruption ratio with culture is given in article, corruptogenic factors in concrete standards of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation come to light. It is emphasized that examination on a corruptogenity, on the one hand, optimizes the criminal procedure legislation by elimination of corruptogenic factors, thereby reducing corruption level, and, on the other hand, culturalizes the public relations, increases trust of the population to the state institutes.

Keywords: culture, corruption, anti-corruption examination, criminal procedure legislation, cultural means, optimization.

— ● —

Сведения об авторе

Алексей Юрьевич **Афанасьев**, адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Подписано в печать 21.11.2015.
© Наука. Мысль, 2015